

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

II-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 45

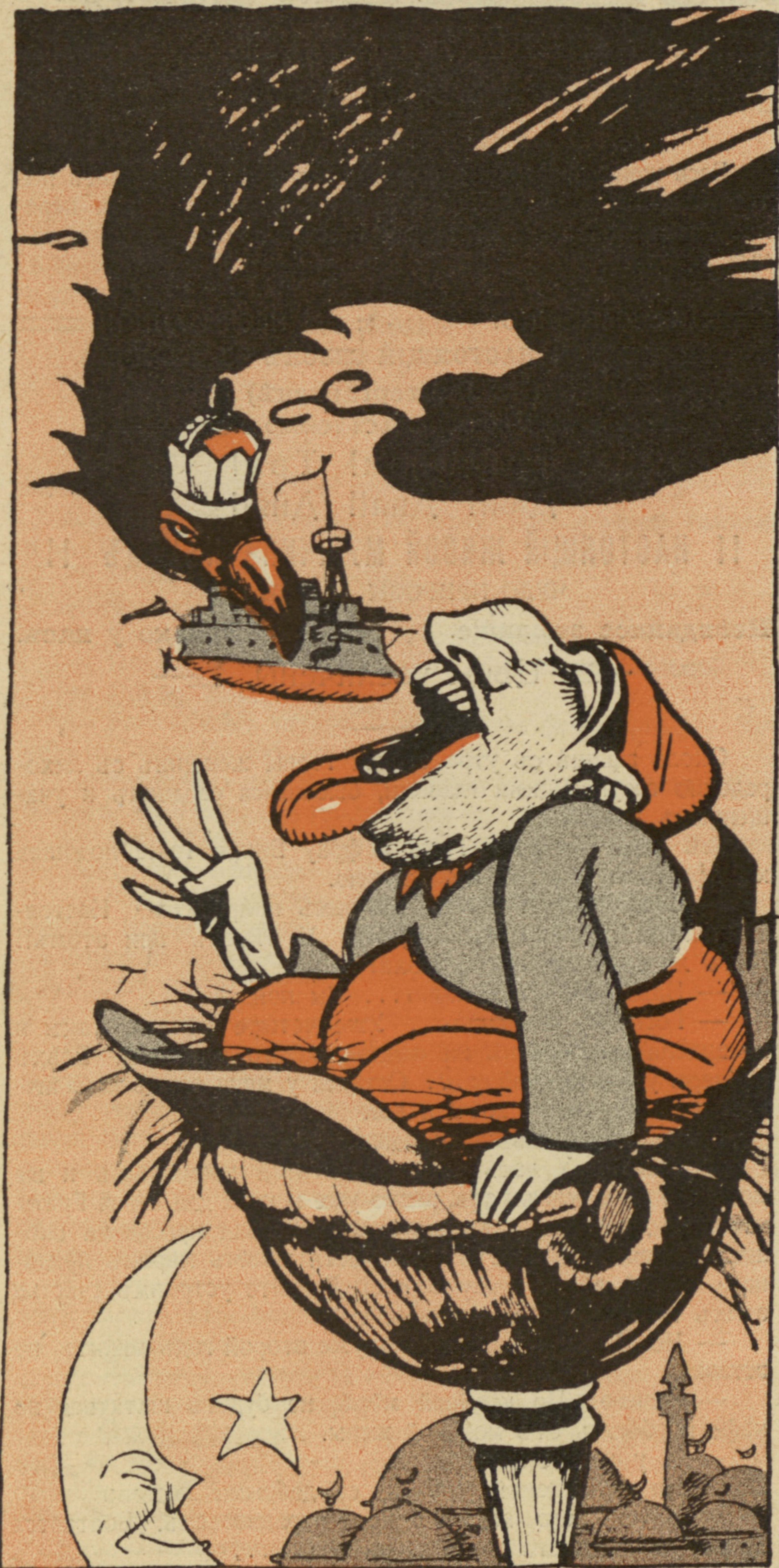
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1914

6 НОЯБРЯ.

ТУРЕЦКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЪ НѢМЕЦКОМЪ ГНѢЗДЫШКѢ.

Рис. Ре-ми.

ДО ВОЙНЫ:

РѢДЬКА ХВОСТОМЪ ВНИЗЪ.

ПОСЛѢ ВОЙНЫ:

РѢДЬКА ХВОСТОМЪ ВВЕРХЪ.

ИВАНЪ-ДА-МАРЬЯ.

Спою вамъ про давнюю старь я:
Тому ужъ лѣтъ сто, а то болѣ,
Бѣжали Иванъ да Марья
Изъ турецкой неволи.

Бѣжали тропами лѣсными,
Отъ несправедливой кары,
И гнались за ними
Злые янычары.

Любилъ Иванъ Марью, что лебедь зорю,
А Марья Ивана,
Да надо жъ быть горю,
Прогнѣвали крѣпко султана.

Думалъ онъ Марью, думалъ плѣшивый,
Запереть въ гаремѣ,
Только былъ у Ивана скакунъ ретивый, —
Долго ль вдѣтъ ногу въ стремя!

Минуло не мало, —
Три дня, три ночи, —
Хоть и дюжъ былъ конь, а не стало
У вѣрнаго мочи.

Упалъ средь поляны,
Гдѣ трава густая,
И Марья Ивана
Обняла, причитая:

«Господи, близко бѣда неминуча,
Не дай намъ погибнуть смертью лихою!
Пусть лучше лютая туча
Убьетъ насъ громовой стрѣлою!»

Услышалъ Господь и — яро
Стала туча вихриться,
Застонала отъ грозна удара
Земля-смуслица.

Засверкали въ рукахъ ятаганы,
Заструились бы кровью алой,
Да нѣтъ никого средь поляны,
Только цвѣточекъ малый,

Желтый съ синимъ — душокъ медовый...
Вотъ и спѣлъ вамъ про давнюю старь я. —
Потому и зовется тотъ цвѣтикъ махровый
Иванъ-да-Марья. **Александръ Рославлевъ.**

ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Кронпринцъ, послѣ ограбленія польскаго замка, говоритъ солдатамъ:

— Господа! Будемъ справедливы: я себѣ взялъ старья картины, вамъ далъ новыя... Теперь сдѣлаемъ наоборотъ — берите себѣ старыя консервы и закуски, а мнѣ отдайте новыя.

Ф.

СЛУЧАЙ СЪ ШАРЛАТТАНОМЪ КРАНКЕНЪ.

Очеркъ Арк. Аверченко.

Весь женскій Берлинъ содрогнулся и загудѣлъ, какъ потревоженный муравейникъ, когда на всѣхъ углахъ и перекресткахъ появились огромныя трескучія, широковъзвѣстныя афиши:

==== СЕНСАЦИОННО! :: - :: НЕСЛЫХАННО! ====
ВПЕРВЫЕ ЗА НАСТОЯЩІЙ СЕЗОНЪ ВЪ БЕРЛИНЪ.

(Въ Винтергартенѣ)

==== БУДЕТЪ ПОКАЗЫВАТЬСЯ ТОКЪКО 3 ДНЯ ====

Три! Три! Три!
Дня!! Дня!! Дня!!

!! НАСТОЯЩІЙ ЖИВОЙ МУЖЧИНА-НѢМЕЦЪ !!

ЧУДО ПРИРОДЫ — 28 ЛѢТЪ

Невиданное зрѣлище. :: - :: Только у насъ.

— Цѣны увеличены. —

Около афишъ съ утра стояли толпы женщинъ съ лихорадочно сверкающими глазами, бьющимся сердцемъ и учащеннымъ дыханіемъ.

Двѣ дамы — фрау Тицъ и фрау Бинке тоже подошли къ афишѣ и замерли передъ нею.

— Фрау Тицъ?! Какъ это вамъ понравится? Настоящій живой мужчина въ Берлинѣ! И нѣмецъ при этомъ!! Нѣтъ ли тутъ какого подвоха?..

— Надо убѣдиться лично... Вы пойдете?

— Господи! Конечно... Уже четыре мѣсяца, какъ я не видѣла въ Берлинѣ ни одного живого мужчины. Всѣхъ кайзеръ увелъ на войну... Остался у меня одинъ параличный племянникъ — вотъ и все.

Глаза фрау Тицъ заискрились.

— Какъ?! У васъ есть параличный племянникъ и вы молчите? А я, какъ разъ, давно уже искала для своей Греты жениха. Дѣвушка, какъ вы знаете, первая красавица околотка, умница и имѣетъ полтора тысяча марокъ приданого, кромѣ дома. Фрау Бинке! Давайте устроимъ счастье этихъ милыхъ молодыхъ людей.

— Но вѣдь мой племянникъ уже второй годъ лежитъ, не вставая.

— Ничего! По крайней мѣрѣ, не будетъ шататься по кафе и убѣгать отъ молодой жены.

— И у него экзема.

— Не съ экземой жить, а съ добрыми людьми.

— Кромѣ того, языкъ у него парализованъ. Болтается во рту, а ни одного слова не вытянешь...

— И лучше. Не будетъ жену пилить, не будетъ укорять ее въ томъ, что облагодѣтельствоваль.

— Гм!.. Но вы знаете, фрау Тицъ, почему у него параличъ?

— Ну, чего тамъ... Былъ молодцу не укоръ. Такъ — по рукамъ?

— Сколько, вы говорите, за вашей дочкой?

— Полтора тысяча и домъ.

— Мало. Совѣтница Шварцкопфъ предлагала триста тысячъ за свою дочку. И два дома.

— Зато моя дочь красавица.

— Да вѣдь ему все равно.

— Какъ все равно?

— Ну, какъ же... Вѣдь онъ слѣпъ, какъ диванная подушка.

— Значить, это отказъ? Бѣдная Грета! Какъ трудно устроить теперь счастье красивой дѣвушки... Надо будетъ и ее повести въ Винтергартенъ — пусть хоть издали на мужчину посмотритъ...

— Меня смущаетъ одно: какимъ это образомъ, въ Берлинъ могъ попасть мужчина, да еще нѣмецъ, да еще молодой?..

— Недоумѣваю!!

* * *

У кассы Винтергартена была страшная давка.

Публика роптала:

— Почему такъ медленно выдаютъ билеты?

— Очень просто. Они не кассиршу посадили въ кассу, а кассира. Для привлеченія публики.

— Полно врать-то.

— Ей Богу. Потому такъ и копаются.

— Именно?

— Безрукій. Билеты отрываетъ зубами, а деньги подвигаетъ къ себѣ носомъ.

— Хорошенькій?

— Ничего себѣ. И всего шестьдесятъ два года.

— Молоденькій! Женатъ?

— А еще бы! Хи-хи. Опоздали, сударыня. Его жена, — дочь морского министра, — тоже сидитъ съ нимъ въ кассѣ и сторожить, чтобы его кто-нибудь не увлекъ.

— Везетъ этимъ министрамъ.

* * *

— Смотрите, смотрите... Капельдинеръ у входа!

— Что вы говорите? Мужчина?! Дѣйствительно... Капельдинеръ... Скажите, голубчикъ, вы... женаты?

Капельдинеръ поглядѣлъ на фрау Тицъ бѣлыми глазами и сказалъ:

— Ровно въ восемь часовъ.

— Что въ восемь?!

— Сначала увертюра, а потомъ программа.

— Покажите вашу руку? Есть обручальное кольцо?

— Прямо, потомъ налѣво.

— Глухъ, какъ тетеря, — вздохнула фрау Тицъ. — Ничего отъ него не добьешься.

Пріятельницы зашли въ мужскую уборную оправиться и потомъ, отыскавъ мѣста, застыли въ ожиданіи.

— Фрау Бинке... Когда онъ выйдетъ, — вы можете одолжить мнѣ бинокль?

— Что? Съ мясомъ вы у меня его вырвете, мой бинокль! Брали бы свой!

Заиграла музыка.

* * *

Первые «аттракціоны» были болѣе или менѣе обыкновенными: сначала пѣли поочередно восемь пѣвицъ; потомъ безрукій теноръ пѣлъ воинственныя пѣсни; танцевали поочередно пять танцовщицъ; безрукій вышелъ въ качествѣ художника моменталиста и нарисовалъ лѣвой ногой пейзажъ. Потомъ вышли тирольки, одѣтыя тирольцами; за ними выбѣжала какая-то венгерка... поглядѣла на публику задумчивыми глазами, помялась немного и ушла, махнувъ рукой.

А когда нетерпѣніе публики достигло высшихъ предѣловъ, вышла дама-импрессарио и сказала:

— Милостивыя государыни и милостивые госуд...

— Ладно! — крикнула нетерпѣливая публика. — Нѣтъ тутъ милостивыхъ государей! Валяй дальше!

— Однимъ словомъ — милостивыя государыни... Сейчасъ мы представимъ вамъ феноменъ, чудо природы — настоящій живой мужчина 28 лѣтъ безо всякихъ недостатковъ, германецъ, пріятнаго вида. Дирекція, не щадя затратъ...

Вдругъ изъ третьяго ряда, гдѣ сидѣла фрау Тицъ, послышалось:

— Здѣсь подвохъ! Если это, дѣйствительно, настоящій мужчина — онъ былъ бы на войнѣ. Его бы давно забрали!! Если же это не мужчина, значить, это — женщина!! А этого добра здѣсь сколько угодно!!

Публика зашумѣла.

— Вѣрно! Правильно!! Докажите, что онъ мужчина! Разкажите, что съ нимъ произошло.

— Милостивыя государыни и... тоже милостивыя государыни... Вотъ что произошло съ нашимъ мужчиной: онъ, дѣйствительно, мужчина, но до прошлой недѣли этого никто не зналъ... Дѣло въ томъ, что онъ родился въ одной скромной цѣломудренной семьѣ... До того скромной, что ни мать, ни отецъ его не могли рѣшиться точно опредѣлить полъ ребенка... Эту щекотливую... миссію откладывали и откладывали, пока ребенку, ходившему пока въ женскомъ платьѣ, не исполнилось 28 лѣтъ. И вотъ, онъ вдругъ заболѣваетъ инфлуэнцей... Приглашенная профессорша, осматривая его, заинтересовывается этой чудо-дѣвочкой и выясняетъ громоподобный фактъ: Шарлотта Кранкенъ оказывается не Шарлоттой Кранкенъ, а, такъ сказать, Шарлаттаномъ Кранкенъ. Изумленію цѣлоумдренныхъ родителей нѣтъ предѣ... Что тамъ такое, что за шумъ?

За кулисами, дѣйствительно, послышался какой-то шумъ, брань, крики, — и на сцену вдругъ выкатилась антрепренерша Винтергартена, красная, растрепанная, со сбившейся на сторону прической.

— Каррауль! Опрабили! Взяли!!

— Кто взялъ? Что?

— Забрали... сейчасъ... нашего мужчину... въ солдаты.

Импессарио зашаталась и грохнулась на полъ...

Въ публикѣ послышались истерическіе крики.

Расхотѣлись убитыя...

Шель холодный дождь. Будто оплакивалъ Шарлаттана Кранкена.

Какая-то, потерявшая голову дама, крикнула:

— Извозчикъ!

— Всѣ извозчики на войнѣ, — сказалъ кто-то около нея.

— Извозчица!

— Всѣ лошади на войнѣ.

— Моторъ! Такса!

— Всѣ моторы на войнѣ. Всѣ таксы съѣдены.

И пошли всѣ пѣшкомъ, безъ зонтиковъ, которые были у всѣхъ забраны на войну, натываясь во тьмѣ на стѣны, потому что всѣ фонари были забраны на войну...

И только шель дождь, который, хотя и имѣлся въ большомъ количествѣ на войнѣ, но его достаточно оставалось и въ Берлинѣ.

Аркадій Аверченко.

Рис. В. Лебедева.

Дешевая бібліотека „НОВ. САТИРИКОНА“.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ НОВЫЯ КНИГИ:

Аркадій Аверченко. — „Свинцовые сухари“.

О. Л. д' Оръ. — „Проклятіе начавшимъ“.

Обложки работы Ре-ми.

Вооружившись терпѣніемъ и трудолюбіемъ, денно и ночью, въ продолженіе сорока лѣтъ, на полюсахъ и на экваторѣ, на горахъ и въ долинахъ, среди дикарей и цивилизованныхъ, — нѣмецкій Меркурій завоевывалъ рынки. И не было на всемъ земномъ шарѣ такой дрянной вещи, гдѣ бы не стояла марка Германіи: — „Made in Germania“.

Вооружившись знаніемъ и трудолюбіемъ, денно и ночью, въ лабораторіяхъ и аудиторіяхъ, университетахъ и училищахъ, среди образованныхъ и необразованныхъ, нѣмецкій ученый завоевывалъ людскія головы. И не было на всемъ земномъ шарѣ такого тупоумнаго мозга, на которомъ не стояло бы клеймо: „Made in Germania“, за подписью Гёте, Канта, Вирхова и др.

Вооружившись пушкой Круппа, наглостью и самомнѣніемъ, сказалъ третій, глупый: — Настала и моя пора поставить свое клеймо! Почва подготовлена. Такое клеймо поставимъ, что ничѣмъ не смоешь. Держитесь. Тр-а-а-а х-х-х-х!!!

— Дуракъ, ты, дуракъ! По своему же добру палишь! — сказалъ ему на это появившійся со своими товарами англичанинъ.

ВЪРНОЕ ДѢЛО.

...Юхельсонъ плюхнулся въ кресло, вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ и сказалъ:

— ...Война — бѣдствіе. Народное бѣдствіе. И долгъ каждого человѣка, долгъ каждого гражданина уменьшать сферу вліянія этого бѣдствія. Такъ?

— Такъ, — отвѣтилъ я.

— ...Тысячи семействъ разорены, жизнь ихъ выбита изъ колеи, иные оторваны отъ насиженного десятками лѣтъ мѣста, иные въ бѣгствѣ потеряли все... Такъ?

И, не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ:

— Только мерзавцы, только лишеныя капельки человеческого чувства, стыда, совѣсти и чувства патріотическаго

могутъ строить свое счастье на морѣ крови, на потокахъ слезъ, на братскихъ страданіяхъ... Такъ?

Я, молча, утвердительно качнулъ головой и подумалъ: Юхельсонъ подводитъ моральный фундаментъ подъ какой-то новый гешефтъ.

— ...Поэтому, когда мнѣ говорятъ: «Юхельсонъ, война вызвала спросъ на это или на то-то» — я спрашиваю себя: «Юхельсонъ, честно ли пользоваться тѣмъ, что отечество воюетъ, тѣмъ, что теперь народное бѣдствіе?». И я отвѣчаю себѣ такъ: «Юхельсонъ, отъ того, что тебѣ, можетъ быть, отъ такого-то дѣла станетъ лучше, отечеству не станетъ хуже, а — кто знаетъ? — можетъ, и отечеству будетъ польза... Затѣмъ, если одному гражданину станетъ лучше, то, зна-

читъ, сфера вліянія народнаго бѣдствія сократится на мѣсто, занимаемое однимъ человѣкомъ». Именно — Юхельсономъ!.. Его счастье!!

Онъ ткнулъ въ себя пальцемъ.

— ... И, наконецъ, я васъ спрошу: почему мнѣ, Юхельсону, у котораго три брата на передовыхъ позиціяхъ, не взять маленькой поставочки въ армію? Или почему мнѣ не взять какое-нибудь шведское производство и не вытѣснить имъ германское? Я таки на поставочкѣ заработаю: дѣло, вѣдь, коммерческое, но я по божеской цѣнѣ, безъ грабительства. Что нужно заработать — я заработаю, что нужно жертвовать — я пожертвую. Ибо, если я не заработаю, мнѣ нечего будетъ жертвовать. Такъ?

— Почти такъ.

— Что значитъ «почти»? Вы — безъ почти, просто такъ... Такъ?

— Такъ.

— Не нужно ли вамъ марли? Сдѣлаемъ дѣло.

— Нѣтъ. Это не моя спеціальность.

— Три милліона аршинъ. Сдѣлаемъ, а?.. У меня еще нѣтъ этой марли... Но будетъ, — вѣрный человѣкъ сказалъ, что я могу считать, какъ будто она у меня въ карманѣ... Три милліона аршинъ!

Онъ полѣзъ въ карманъ и вытащилъ четверть аршина какой-то матеріи.

— Это марля?! — удивился я.

— А то что? Почему это не марля?

— Такая черная!

— Это же образчикъ. Каждый трогаетъ руками. Вы думаете, вы первый? Этотъ образчикъ мнѣ прислали изъ Житомира три недѣли тому назадъ.

Я незамѣтно вытеръ пальцы.

— Вы говорите: «Не моя спеціальность»... Что значитъ, спеціальность, когда война? Вчера защитникъ на судѣ — завтра защитникъ въ окопахъ, вчера акушеръ въ родильномъ приютѣ — сегодня хирургъ въ полевомъ лазаретѣ... Вчера агентъ по страхованію отъ огня, завтра фейерверкеръ, отвѣчающій орудійнымъ огнемъ на непріятельскій орудійный огонь... Вчера я продавалъ аграманты, кружева, ленты — сегодня марлю... Сегодня не нужны украшенія, сегодня нужны бинты!.. Такъ?

— Такъ.

— Можетъ, сдѣлаемъ дѣло съ ватой?

— У васъ и вата есть?

— Восемь милліоновъ!.. Если мы вмѣстѣ съ вами заработаемъ даже по копейкѣ, то это составитъ: сорокъ тысячъ рублей на брата. Плохо?

— Недурно! — улыбнулся я.

— Съ марли столько не останется... Я вамъ предлагаю вѣрное дѣло: уже ведутся переговоры о покупкѣ мѣста подъ фабрику для выдѣлки ваты.

— Пока выстроятъ, ужъ и война кончится, — сухо улыбнулся я.

— Ну, вмѣсто ваты будутъ выдѣлывать пуговицы... я знаю что?.. Впрочемъ, если вы не хотите ждать, я могу вамъ предложить другое дѣло... Не хотите ли печь сухари для арміи?

— А вы знаете это дѣло?

— Пхе! Что тутъ знать? Сухари — это не пирожное, не булки, не калачи... сухари, извѣстно! Кто не знаетъ?.. Шестнадцать милліоновъ сухарей. Это большое дѣло!.. Нуженъ только заказъ отъ интендантства, нужно найти громадныя печи, сушилки, пекарей и залогъ на случай порчи казенной муки...

— Получили вы заказъ?

— Нѣтъ, заказа нѣтъ еще!.. Это пустое: легко получить.

— Что же вы нашли?.. печи? сушилки? пекарей? залогъ?

— Я поговорилъ съ однимъ знакомымъ пекаремъ, онъ согласенъ хоть завтра стать на работу, и за двухъ товарищей онъ ручается головой...

Я пристально поглядѣлъ на него:

— Юхельсонъ! Юхельсонъ!!

Онъ спохватился, что увлекся, и добродушно сказалъ:

— Ну, такъ это дѣло отложимъ... Правда, тутъ могло бы остаться по двадцать тысячъ рублей на брата... Плохо?.. Хотите, дамъ вамъ другое дѣло: давайте поставятъ полушубки, а? я слышалъ про одну партію, но ее реквизируютъ... Подвернется другая... А то, вотъ, мой знакомый слышалъ про партію башлыковъ... Не хотите ли?

Я отрицательно качнулъ головой.

— ... А партію подковъ? Не хотите?.. Ну, не надо! Съ вами, я вижу, трудно сдѣлать дѣло! Вамъ предлагаютъ вѣрное дѣло, а вы мотаете головой... Можно по телефону поговорить?

— Пожалуйста!

— Двѣнадцать — сорокъ три... Барышня... а, спасибо!.. Григорій Веніаминовичъ, не сдѣлаете ли два милліона лампочекъ... какихъ? электрическихъ... какихъ другихъ?.. Нѣтъ, еще нѣтъ, но могутъ быть изъ Швеціи... Образчикъ есть... По пяти тысячъ рублей на брата... Не хотите?.. Такъ у меня есть другое вѣрное дѣло, по двадцати тысячъ рублей на брата, а?.. Сейчасъ ѣду къ вамъ, поговоримъ!.. Сегодня сдѣлаемъ!!

Уходя, онъ одолжилъ у меня три рубля.

Это было его единственное вѣрное дѣло, сдѣланное сегодня.

Исидоръ Гуревичъ.

БЛАГОВѢСТІЕ.

(Русскимъ женщинамъ посвящаю.)

Женщина за околицей, у свѣжей братской могилы.

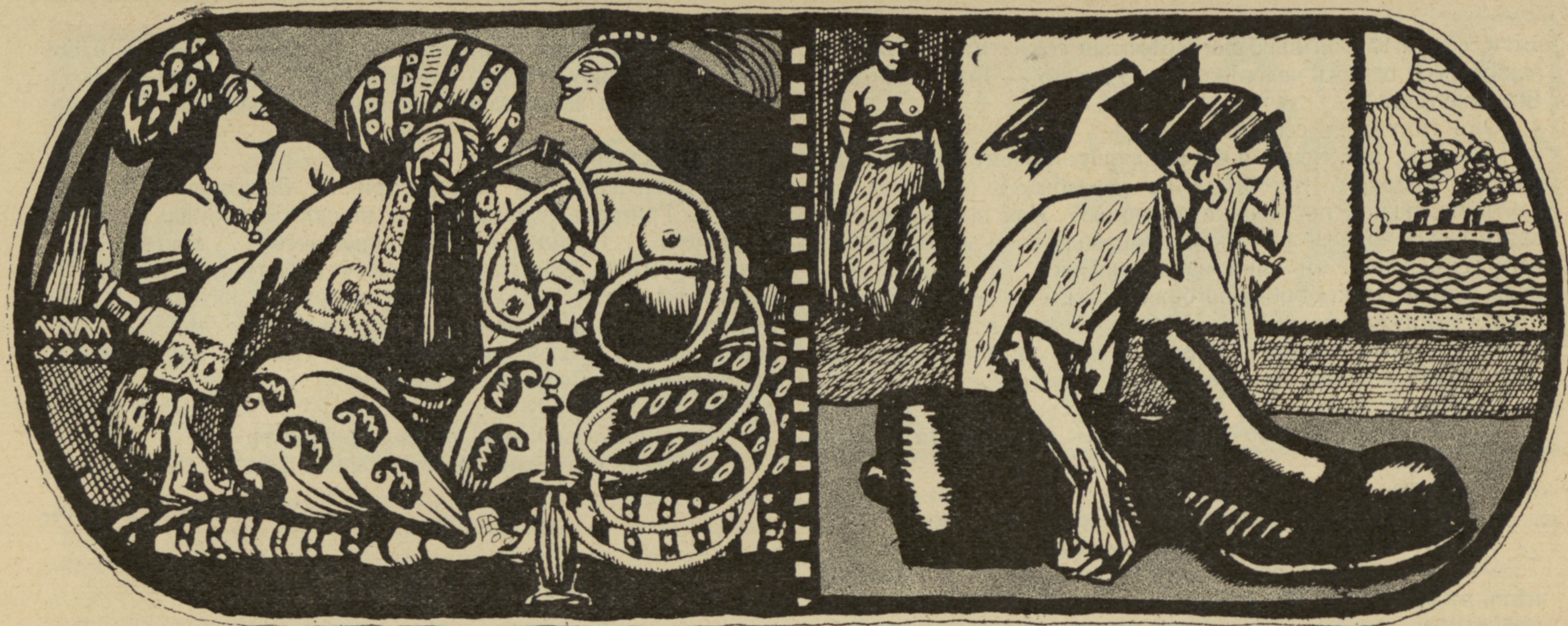
ЖЕНЩИНА.

За нѣжно-палевой зарей
Мнѣ не звучатъ ужъ неба хоры, —
Любви таинственной узоры
Ушли, какъ краски надъ горой...
Благоухали прежде травы —
Теперь грустятъ, чего-то ждутъ...
Упалъ потокъ горячей лавы —
И сжегъ до тла любви приютъ...
Обильной кровью міръ окрашенъ
И полонъ грѣшной красотой...
Мой каждый шагъ безумно страшенъ...
Къ Тебѣ, Владычицѣ Святой,
Молось я, въ скорби прибѣгая, —
Отъ злобныхъ дьявольскихъ сѣтей
Уснувшихъ розовыхъ дѣтей,
Меня забывъ, спаси, Благая...
Быть можетъ, я не упростила
У неба — мира вешній свѣтъ,
Когда подъ сердцемъ я носила
Свое дитя, свой первый цвѣтъ...
Быть можетъ, грѣхъ мой — эти раны
И замолчавшіе ручьи,
И эти свѣжіе курганы,
И... слезы скорбныя мои...

ГОЛОСЪ ЗЕМЛИ.

— Сестра любимая, оставь свои печали, —
Не оскорбляй больной зари покой:
Виновна ты, какъ сломанный левкой,
Въ томъ, что его безумцы поломали...
Въ твоихъ глазахъ лазоревой эмали
Витаешь скорбь, какъ чайка надъ рѣкой...
Законамъ вѣчнаго безропотно внемли —
Въ нихъ предугаданъ каждый мигъ вселенной,
И въ этой смерти временной и тлѣнной,
Лишь искупленье новое земли...
Въ юдоли жизни есть Добро и Зло...
Прошли вѣка — все нѣтъ межъ ними грани,
Но черезъ часъ, а, можетъ быть, и ранѣ
Все будетъ розово, душисто и свѣтло...
Ты свято такъ исполнила посланье,
Врачуя боль рабовъ и палачей,
Беря взаменъ одинъ лишь крестъ страданья
Да жуть безсонныхъ, стонущихъ ночей...
Но міръ уйдетъ отъ казней фараоновъ,
И совѣсть жизни станетъ вновь чиста.
Ужъ близокъ часъ, когда не будетъ троновъ,
Безъ словъ любви, безъ знамени Христа!..
И вотъ тогда, какъ въ миги мірозданья,
Сердца зажжетъ небесной Правды свѣтъ,
И въ твой вѣнокъ минувшаго страданья
Вплетутъ цвѣты — у счастья терній нѣтъ!..

Сергій Михѣевъ.

Что значило раньше — състь по-турецки...

И что значить теперь — състь по-турецки...

ДВѢ СУДЬБЫ.

(Опытъ предсказанія.)

Судьба виляетъ вкривь и вкось,
Въ «диктантѣ жизни» много «ять» — ей...
Блаженъ, кто понялъ всю насквозь
Живую фильму воспріятій,
Кто зналъ и Гегеля и К°,
Чей умъ и опытенъ и гибокъ,
Кто видитъ слишкомъ далеко,
Чтобъ стать рабомъ чужихъ ошибокъ!

Сто дней назадъ земля молчала,
Не зная крови и свинца;
Тевтонамъ не было начала
И не предвидѣлось конца:
И Францъ, и Вилли, были въ силѣ
Играли въ пушки, пили «бирь»,
Задорно головы носили
И презирали цѣлый міръ.
И до поры, пока не дрались
И не пустили свой душокъ,
Одинъ — считался «über alles»,
Другой — пониже на вершокъ...
Потомъ пріятели, совмѣстно,
Махнули оба за рубѣжъ:
Вильгельму, баютъ, стало тѣсно,
А Францу — тоже невтерпежъ.
А предварительно съ балкона,
Какъ муэдзинъ на весь ауль,
Вильгельмъ божился: «Вотъ икона!
Мои народы! Карауль!!!»
И глядя въ спину новобранцу,
Сулилъ въ возникнувшей борьбѣ:
Двѣ половины міра Францу,
А остальные три — себѣ.

Увы! Россійская столица
Не убоялась яркихъ позъ!
Недаромъ гдѣ-то говорится:
«Wilhelm propose», а «Ross dispose»;
Тамъ, гдѣ таинственная Висла
Струить потоки сквозь сутробъ,
Удача кайзера повисла,
Какъ Магометовъ хладный гробъ,
А тамъ, гдѣ памятная Рава
И знаменитый Островець, —
Томится Францева орава,
Какъ стадо крученыхъ овецъ...
Потомъ «вожди» мѣняли курсы,
Народъ и арміи губя,
Безслѣдно таяли ресурсы
И вѣра въ пушки и въ себя.
И вотъ — безъ пива и безъ пищи —
Они пытаются вдвоемъ

У изувѣченныхъ и нищихъ
«Реализировать заемъ»!

Я не колдунъ и не пророкъ
И никогда не мѣтилъ въ маги,
Но каждый жизненный урокъ
Люблю продумать на бумагѣ.
Моя арена — кругъ идей,
И — это старая погудка —
Мнѣ судьбы понятыхъ людей
Ясны, какъ выводы разсудка!

Еще недѣли въ воду кануть,
Уйдетъ нѣмецкій ветеранъ,
И псы смердящіе не станутъ
Лизать слѣды преступныхъ ранъ.
Сбѣгутъ продажные авгуры,
Тая въ душѣ холодный страхъ,
И міръ увидитъ двѣ фигуры,
Судьбой поверженныя въ прахъ.
И побредутъ фигуры сами —
Съ своей судьбой наединѣ —
Одна — съ обвислыми усами,
Другая — въ яркой сѣдинѣ;
И будутъ обѣ мыкать бѣды,
И будутъ обѣ «не у дѣль»,
Кляня Россійскія побѣды
И свой предательскій удѣль;
И будутъ взоры прятать муку
Двухъ промотавшихся коллегъ,
И старый Францъ протянетъ руку
И будетъ клянчить на ночлегъ:
— «Мой спутникъ смолоду былъ слѣпъ,
Его разсудокъ быстро таетъ...
Подайте Габсбургу на хлѣбъ!
Онъ Гогенцоллерна питаетъ!»

Слѣдите, юноши, за вѣкомъ,
Читайте въ книгѣ живота:
Судьба «играетъ человѣкомъ»,
Но... не пропуститъ и скота!

Владиміръ Воиновъ.

РЕДАКТОРЪ И ПИСАТЕЛЬ.

(Сцены изъ военной жизни.)

ЯВЛЕНІЕ I.

РЕДАКТОРЪ. Здравствуйте. Что принесли?

ПИСАТЕЛЬ. Разскаецъ есть, небольшой, на два листа.

РЕДАКТОРЪ. Изъ нынѣшней?

ПИСАТЕЛЬ. Что изъ нынѣшней?

РЕДАКТОРЪ. Изъ этой войны, или изъ японской? Изъ японской не беремъ.

ПИСАТЕЛЬ. Такъ-съ. Къ сожалѣнію... на этотъ разъ ни то, ни другое. Здѣсь (подаетъ рукопись) нѣкоторыя черты изъ жизни Марины Мнишекъ.

РЕДАКТОРЪ (уныло). Гм... Мнишекъ. Кажется, я васъ понимаю. Родословная кайзера?

ПИСАТЕЛЬ. М-м-м... н-н-н... нѣтъ.

РЕДАКТОРЪ. Извините, я очень занятъ. Потрудитесь объяснить въ чемъ дѣло.

ПИСАТЕЛЬ (задумчиво, съ убѣжденіемъ). Оригинальный, яркій характеръ этой женщины, общій колоритъ ея личной жизни...

РЕДАКТОРЪ (строго). При чемъ же тутъ война?

ПИСАТЕЛЬ. Я и говорю, что ни при чемъ.

РЕДАКТОРЪ. Милый, читатель требуетъ военныхъ злободневныхъ разсказовъ.

ПИСАТЕЛЬ. Развѣ? Я не слыхалъ. А гдѣ вы читали объ этомъ?

РЕДАКТОРЪ. Извините, мнѣ некогда... (Смотритъ на писателя съ ненавистью.) А гдѣ вы видали, чтобы теперь кто-либо читалъ иное, чѣмъ разсказы о войнѣ?

ПИСАТЕЛЬ. Видалъ. При мнѣ барышня потребовала въ библиотекѣ Шекспира. Тамъ пришло со мной человекъ десять, и одинъ спросилъ даже... Лесажа.

РЕДАКТОРЪ. Это гнусные индифферентисты.

ПИСАТЕЛЬ. Нѣтъ; почему? Барышня эта моя знакомая, дочь офицера.

РЕДАКТОРЪ. Но... Лесажъ?

ПИСАТЕЛЬ. Его взялъ полковой врачъ.

РЕДАКТОРЪ (барабаня пальцами). Я вижу, куда вы гнете. Вы хотите просить авансъ.

ПИСАТЕЛЬ. Если бъ вы разрѣшили, я...

РЕДАКТОРЪ. Обратитесь къ Маринѣ Мнишекъ. И запомните, что литература стала газетой. Иванъ, подай этому господину галоши!

ЯВЛЕНИЕ II.

Редакторъ и беллетристъ Бяшко.

РЕДАКТОРЪ. А! Бяшечка! Родной! Что, принесли? Давайте, давайте скорѣй! — Сейчасъ и въ наборъ отправимъ.

БЯШКО. А деньги есть?

РЕДАКТОРЪ. Все есть, — ужъ васъ-то уважимъ. Изъ нынѣшней?

БЯШКО. Само собой. Останетесь довольны. Дѣло происходитъ въ траншеяхъ. Масса выстрѣловъ.

РЕДАКТОРЪ. И пулеметы есть?

БЯШКО. Все, все. Бронированные форты, пулеметы, цепелины и даже фугасы.

РЕДАКТОРЪ (влюбленно). Господи! Дастъ же Богъ человекъ! Роскошь пера! Пиршество красокъ! Быть, кровь и огонь!

БЯШКО (не слышавъ). А? Да; герой избить въ кровь и брошенъ въ огонь.

РЕДАКТОРЪ. Вотъ видите; а то у меня сейчасъ дуракъ былъ, Н. Н.

БЯШКО (презрительно). Ну, этотъ...

РЕДАКТОРЪ. Онъ ненормальный, знаете? Нацарапалъ тамъ... да говорить противно: колоритъ, Марина Мнишекъ... чепуха. Когда я служилъ въ аптекѣ...

БЯШКО. Извините, мнѣ некогда. (Барабаня пальцами.) Я вижу, куда вы гнете. Вы хотите оттянуть гонораръ.

РЕДАКТОРЪ. Да... нѣтъ... собственно... у насъ, вообще, платежи по вторникамъ... хотя... я бы просилъ...

БЯШКО. Нѣтъ-съ, это вы ужъ съ Н. Н. такъ поступайте, а мнѣ деньги, деньги на столъ.

РЕДАКТОРЪ. Ахъ! Ну, получите. Какой горячій, талантливый!

БЯШКО. Мало ли что. За фугасы деньги впередъ. (Уходитъ.)

РЕДАКТОРЪ (одинъ).

Ну-съ, вотъ и я написалъ фельетонъ, будто бы, якобы впечатлѣнія очевидца.

ПЕРО РЕДАКТОРА.

Трррр!.. бумъ!.. вззззз!..

бухъ! пырь-пырь-пырь-

пырь... трахъ! ухъ! дзынь!..

бррррр!

А. С. Гринь.

МОСКВѢ.

Различье мудрое — Москва и Петроградъ:
Онъ по-мужски, расчетливо спокоенъ,
У ней всегда любви неистощимый кладъ;
Родная мать она, онъ — грозный воинъ.

Въ стальной рукѣ его булата рукоять,
Разить враговъ — его прямое дѣло.
Но въ часъ, когда въ крови захлебывалась рать,
Чье сердце такъ молитвенно скорбѣло?

Чьи сорокъ сороковъ, побѣду возгласивъ,
Могуче радуясь разсвѣтному багрянцу,
Сто лѣтъ назадъ, надъ снѣгомъ спящихъ нивъ,
Гудѣли вслѣдъ владыкъ-корсиканцу?

Я былъ подъ Спасскою, отдалъ поклонъ Кремлю;
Мнѣ чудилось Христовыхъ словъ подобье:
«Кусокъ послѣдній я для сына преломлю,
Свѣчу послѣднюю зажгу ему въ надгробье!..»

О, мать великая! О, городъ городовъ!
Я плотью — здѣсь, а духъ съ тобою рядомъ;
Тебѣ — слеза моя, мечты свободный зовъ;
Я завѣщать тебѣ свой крестъ любви готовъ,
Чтобъ въ бой идти за грознымъ Петроградомъ!

Алексѣй Липецкій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Нѣмецкіе животы.

Военные корреспонденты сообщаютъ:

Германскіе солдаты пускаютъ въ ходъ слѣдующую хитрость, что бы предохранить себя отъ бельгійскихъ штыковъ: они набиваютъ себѣ подъ мундиръ какъ можно больше всякаго платья и бѣлья. Дѣло въ томъ, что бельгійскіе штыки очень коротки и часто даже не прокалываютъ этой набивки.

Теперь понятно, почему германскіе солдаты попадаютъ въ плѣнъ, истощенные голодомъ.

Потому что высшее германское начальство, видя толстые раздутые животы солдатъ, разсуждаетъ просто:

— Зачѣмъ же я буду тратить на него съѣстные припасы, когда онъ и такъ толстый?

Тяжелое недоразумѣніе...

Распоясался.

Нѣмецкій генералъ фонъ-Дисфуртъ пишетъ въ берлинской газетѣ „Tag“:

„Защищать наши войска отъ несправедливыхъ какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ обвиненій — ниже нашего достоинства. (Гдѣ это достоинство?) Намъ не въ чѣмъ ни оправдываться, ни защищаться. (Еще бы!) Все зло, которое наши солдаты причиняютъ врагу съ цѣлью добиться побѣды, будетъ прекрасно и заранѣе оправдано: по крайней мѣрѣ, мы такъ смотримъ на дѣло. (А что вы запоете, когда послѣ войны съ васъ спустятъ шкуру за „этотъ взглядъ на дѣло“?!). Намъ нечего считаться съ мнѣніемъ другихъ странъ, даже нейтральныхъ. (Аргументъ свиньи, посаженной за столъ). И если всѣ памятники, всѣ шедевры архитектуры, находящіяся между нашими пушками и врагомъ, отправятся къ чорту, намъ абсолютно все равно. (Какое торжествующее хрюканье!..) Мы ихъ, быть можетъ, будемъ оплакивать въ болѣе спокойныя времена, а теперь нечего на нихъ тратить даже словъ. (Поплачете, поплачете... Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія). Сейчасъ хозяинъ момента Марсъ, а не Аполлонъ! Самый скромный холмикъ надъ тѣломъ нашего солдата болѣе почетенъ, чѣмъ всѣ каѳедральные соборы и всѣ сокровища всего міра. Насъ называютъ „варварами“ — что за важность: посмѣемся. (Вы смѣетесь первые. Союзники будутъ смѣяться послѣдними...) Въ крайнемъ случаѣ, спросимъ себя только: не заслуживаемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ этого титула?“

Нѣтъ, судя по этой статьѣ — не заслуживаете.

Заслуживаете болѣе скромнаго титула: „разжирѣвшій отъ пива скотъ“.

Тоже „посмѣетесь“? Смѣйтесь.

Приведеніе въ порядокъ дѣлъ.

Послѣднія нѣмецкія правила для подданныхъ вою-

ющих странъ, проживающихъ въ Германіи и высылаемыхъ сейчасъ отсюда.

Въ Гамбургѣ, Франкфуртѣ и Любекѣ даже 80-лѣтнимъ старикамъ предоставленъ былъ всего 3-часовой срокъ для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ.

Что можно успѣть сдѣлать за 3 часа? Какія дѣла привести въ порядокъ?

Только и успѣешь, что плюнуть коменданту города въ бороду да дать затрещину инициатору этого „закона“.

Вотъ и всѣ дѣла.

Молода — изъ Саксоніи.

Вся война въ Германіи проходитъ подъ ярко выраженнымъ знакомъ взаимнаго надувательства и лганья...

Въ Лодзи въ лазаретъ Краснаго Креста доставили раненаго саксонскаго майора. Во время разговора съ нашими врачами, саксонецъ высказалъ мнѣніе, что пруссаки подвели саксонцевъ.

— Какъ такъ подвели? — изумились врачи.

— Да очень пр.сто, — въ очень серьезномъ тонѣ отвѣчаетъ саксонскій майоръ. — Насъ увѣрили, что мы входимъ прямо въ Варшаву.

Когда ему предложили завтракъ, онъ сначала отказался. Но, подумавъ, сказалъ: „Э, должно быть, и тутъ пруссаки наврали!“ — и началъ завтракать.

Врачи поинтересовались, что означаетъ его замѣчаніе. Саксонскій майоръ откровенно отвѣтилъ: „Прусскіе генералы совѣтовали мнѣ ничего не пить, не ѣсть, даже не курить, такъ какъ все можетъ быть отравлено“.

Завтракъ былъ вкусный, майоръ остался имъ доволенъ и недвусмысленно замѣтилъ вслухъ: „Вотъ и тутъ наврали!“.

Бѣдный саксонецъ...

А еще русскіе говорятъ: „Молода, — во Саксоніи не была“.

А вотъ и „была во Саксоніи“, а какъ опростоволохился-то...

Профессія.

Въ плохихъ театрахъ статисты, изображающіе въ числѣ 5 человекъ блестящее войско, уходятъ по нѣскольку разъ со сцены за кулисы, чтобы сейчасъ же выйти съ другой стороны, будто свѣжія подкрѣпленія...

Для возбужденія народнаго энтузіазма германское правительство, уставъ рекламировать безчисленныя „побѣды“ кронпринца и генерала Клука, занялось демонстрированіемъ плѣнныхъ французовъ и бельгийцевъ.

Но плѣнныхъ этихъ такъ мало, что германскимъ властямъ пришлось пуститься на хитрость.

Прибывшій днемъ поѣздъ съ плѣнными, уже встрѣченный бурными криками толпы, переводится ночью на запасный путь и утромъ

снова побѣдоносно въѣзжаетъ на вокзалъ, при новыхъ крикахъ и манифестаціяхъ одурченныхъ нѣмцевъ.

Голландскія газеты, рассказывая объ этомъ, сообщаютъ, что бельгійскіе плѣнные, высываясь изъ оконъ вагоновъ, стали кричать толпѣ: „Мы уже въ пятый разъ совершаемъ этотъ торжественный въѣздъ“.

Скоро нѣмцы перезнакомятся съ плѣнными, выдадутъ за нихъ замужъ своихъ дочерей, а тѣ все-таки будутъ ежедневно торжественно въѣзжать въ городъ, покрикивая изъ оконъ:

— Здорово, Карлушка! Ну, какъ моя жена, дѣтки — здоровы? Завтра увидимся, до свиданья! До слѣдующаго торжественнаго въѣзда!

Вотъ профессія, до которой только нѣмцы и могли додуматься.

Непонятное.

Трудно приходится простому русскому человѣку, который интересуется турецко-персидской политикой...

Какое впечатлѣніе можно вынести, напримѣръ, изъ такого сообщенія:

Произошла перестрѣлка между турецкими дери и персидскими шекаками у Мастакана ..

Придетъ молодой человѣкъ, освѣдомленный объ этомъ случаѣ, домой и сообщитъ матушкѣ:

— Маменька, новость: дери подрались съ шекаками у Мастакана.

Ничего не отвѣтитъ старушка... А ночью долго будетъ плакать: и дери-то ей страшно, и шекаковъ она боится, да и Мастаканъ ничего хорошаго не сулитъ.

Тяжко простому человѣку.

Работа подъ корсиканца.

„Бирж. Вѣд.“ сообщаютъ:

Императоръ Вильгельмъ недавно произвелъ инспекціонный смотръ войскамъ.

Главною цѣлью смотра было поднять приулавшій духъ арміи. На императорѣ былъ сѣрый мундиръ (подъ Наполеона) безъ орденовъ.

Корреспондентъ не сообщаетъ, была ли надѣта на Гогенцоллернѣ, кромѣ сѣраго походнаго сюртука, и треугольная шляпа?

Впрочемъ, по-нашему — одной треугольной шляпы мало. Надо, чтобы и подъ шляпой что-нибудь было.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 98.

Дешевая юмористическая библіотека

Вышли и поступили въ продажу слѣдующіе выпуски:

- № 1—12. Аркадій Аверченко.
- № 13. Тэффи.
- № 14. Ландау.
- № 15. Аркадій Аверченко.
- № 16. О.Л. Д'Орѣ.
- № 17. Аркадій Аверченко.
- № 18. К. Милль.

Цѣна выпуска 10 коп.

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
СКОБЕЛЕВСКІЙ Комитетъ,

открывая госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, — призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ, кого такъ горячо любилъ незабвенный Михаилъ Дмитриевичъ СКОБЕЛЕВЪ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться, такъ какъ всякое пожертвованіе, какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, Петроградъ, Пески, Мытнинская ул., № 27.

У БОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА.

ДО ВОЙНЫ.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Турокъ: — Дай бакшишъ...
 Нѣмецъ: — Пожалуйста!

Турокъ: — Дай бакшишъ.
 Нѣмецъ: — Милый, у самого дѣла плохи! Возьми вотъ эту половину.

Турокъ: — Помо-о-ги, нѣмецъ!.. Ай-ай-ай!
 Нѣмецъ: — Нѣтъ, Махмудъ: любя тебя, не помогу.
 Теперь тебѣ легче будетъ удирать отъ русскихъ.

1) Ну, попробуемъ и мы перекроить карту Европы.
 Долго ли умѣючи? Разъ, два...

2) Ой! Полруки отхватилъ... я и не зналъ, что ножницы такія острыя...

КАКЪ ЧОРТЬ ТУРЕЦКІЙ МЪСЯЦЪ УКРАЛЪ...

(Изъ „Ночи подь Рождество“, Гоголя.)

... Показался чортъ. Спереди — совершенно нѣмецъ: узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка окачивалась, какъ у нашихъ свиней, кругленькимъ пяточкомъ.

... Онъ крался потихоньку къ мѣсяцу... Схватилъ его обѣими руками. Кривляясь и дуя, перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, наконецъ поспѣшно спряталъ и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, побѣжалъ далѣе.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Намъ прислали такую вырѣзку изъ газ. „Колоколь“;

Въ последнее время носятся упорные слухи, что Австрійскій императоръ Францъ-Иосифъ умеръ въ день объявленія Германіей войны Россіи.

По политическимъ соображеніямъ Австрійское правительство рѣшило скрывать этотъ фактъ до окончанія войны. Тѣло императора хранится, какъ утверждаютъ, въ спирту, чтобы, когда наступитъ подходящее время, предъявить его народу. Это сенсационное извѣстіе циркулируетъ уже двѣ недѣли, не вызывая со стороны заинтересованнаго правительства ни подтвержденія, ни опроверженія.

Еще бы — „Колоколь“ будетъ ждать опроверженія.

Въ этой исторіи интересно одно: чье тѣло хранится въ спирту: австрійскаго императора или того человѣка, который всю эту исторію измыслилъ?...

В. Розановъ изъ „Новаго Времени“ совершенно резонно рекомендуетъ на ряду съ петроградскимъ вязаньемъ теплыхъ вещей для солдата — вязаньемъ изъ дурной и дорогой шерсти, закупленной въ Гостиномъ Дворѣ — заняться этимъ дѣломъ и деревнѣ.

Крестьяне, — доказываетъ онъ, — сдѣлаютъ это гораздо лучше — изъ своей родной, прекрасной и нетрепанной, шерсти. Стремленіе къ пожертвованію сильно и въ деревняхъ, какъ въ городахъ.

По этому поводу мы считаемъ своимъ прямымъ долгомъ заявить, что, по свидѣтельству самыхъ добросовѣстныхъ, заслуживающихъ

полнаго довѣрія наблюдателей, русскіе крестьяне не обросли еще шерстью...

Некомпетентность въ этомъ вопросѣ г. Розанова весьма понятна: онъ специализировался на изученіи еврейскаго народа... Что же касается русскаго, то, повторяемъ, по самымъ точнымъ даннымъ установлено, что „прекрасной и нетрепанной“ шерстью обрастаютъ иногда русскіе люди, имѣющіе отношеніе къ „Новому Времени“, но этого никакъ нельзя сказать про русскихъ крестьянъ...

Ужасы войны своеобразно отражаются на психикѣ корреспондента одной изъ петроградскихъ газетъ:

На окраинѣ деревни у костра живописная группа казаковъ... Поблескиваетъ пламя и освѣщаетъ желтымъ огнемъ бородатые лица привязанныхъ лошадей подь сѣдлами...

Стоять привязанныя подь сѣдлами лошади и поглядываютъ на корреспондента, поворачивая къ нему свои бородатые лица.

Дѣйствительно, до того ли лошади на войнѣ, чтобы побриться!

Такъ и ходитъ бородатая.

А, можетъ быть, и такъ, что это не лошади, а козлы были. Впрочемъ, козлы подь сѣдломъ не ходятъ.

Ничего не разберешь.

Загадоченъ суровый ликъ войны.

„Голосъ Руси“ сообщаетъ, что „Petit Parisien“ помѣстила бесѣду съ Анатолиемъ (?) Францемъ (?)

Газета, очевидно, думаетъ что Анатолий Франсъ — нѣчто среднее между Анатолиемъ Дуровымъ и Францъ-Иосифомъ.

По этому пути легко дойти до увѣренности, что газета „Petit Parisien“ названа такъ потому, что печатается парижскимъ петитомъ.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ СЕРІЯ ВОЕННЫХЪ

I СЕРІЯ
(6 шт.)

Юмористическихъ художественныхъ открытыхъ писемъ

I СЕРІЯ
(6 шт.)

издательства „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Рисунки художниковъ: И. Билибина, Миссъ, А. Радакова и Ре-ми.

Цѣна серіи 40 коп., съ пересылкой 50 коп.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

ХРОНИКА ДНЯ.

Дезертиры духа.

Рис. В. Лебедева.

На этих днях в одной из петроградских газет появилось письмо в редакцию, в стихах, Игоря Свверянина, письмо, в котором он доказывает, что гораздо лучше не идти на войну, а остаться здѣсь: Пройтись (?) по Морской съ шатенками, Свивать вѣнки изъ хризантемъ...

Игорю Свверянину стали отвѣчать тоже стихами. Читатели мучились, но терпѣли и полемика продолжалась. Не желая дать этой полемикѣ совершенно заглохнуть и не дойти до широкаго читателя, редакция «Нов. Сатирикона» поручила одному изъ своихъ сотрудниковъ передать ее своими словами, что и воспроизводится ниже.

* * *

ПИСЬМО ИГОРЯ СЪВЕРЯНИНА.

Нѣтъ, не хочу лежать въ окопѣ я —
Я, прославляемый вездѣ...
Моя гигантность — не утопія.
Хочу кататься я въ ландѣ.

Хочу пройтись я съ портниками,
Затѣявъ легонькій романъ,
И послѣ пить глотками тихими
Какао — 20 коп. стаканъ.

Хочу надѣть штаны атласные
И кружевные сапоги...
Зачѣмъ же мнѣ поля фугасныя,
Гдѣ поджидаютъ насъ враги?...

Хочу съ модисткою интрижечку
Я хризантемную связать...
Ахъ, между прочимъ... Скоро книжечку
За руль я выпущу опять.

ПЕРВЫЙ ОТВѢТЪ.

Ужъ очень ты, братъ, странень,
Игорь Свверянинъ:
Себя рекламируешь,
А насъ не надуешь.

Петръ Западнянинъ.

ВТОРОЙ ОТВѢТЪ.

Ты трусь, вѣдь, Свверянинъ Игорь,
Боишься же шрапнели ты,
И вотъ вертишься, словно угорь —
Нѣтъ, на войну иди ты!

Тоже — Свверо-Восточанинъ.

ОТВѢТЪ ИГОРЯ СЪВЕРЯНИНА.

Когда падетъ Берлинъ убійственный,
Я всѣхъ туда васъ поведу,
Я вашъ любимый, вашъ единственный,
Воткнувъ въ петлицу резеду...

Но дѣло вовсе не въ Берлинѣ томъ,
Быть можетъ, будетъ тамъ другой —
Какъ хорошо вездѣ быть принятымъ
Съ стихомъ, написаннымъ ногой.

Рожденный съ геніальной жилкой,
Двѣ книжки выпустилъ я въ годъ:
Рупь двадцать стоятъ съ пересылкой,
Но можно марками впередъ.

Такъ, здѣсь въ городѣ, наполненномъ
родными людей, умирающихъ и
побѣждающихъ подъ огнемъ батарей,
рождается своя, мелкая, слякотная
полемика о громадномъ, трудно-пости-
гаемомъ простымъ разсудкомъ, дѣлѣ...
И тутъ же внизу простыя, глубокія
строчки: «Граждане! Холодно въ око-
пахъ... Обогрѣйте солдата...».

Арк. Буховъ.

АКРОБАТЫ.

Турокъ: — Высоко я теперь сижу, а
все боязно: вдругъ не выдержатъ!

КЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Издательство „Нов. Сатириконтъ“, объявляя подписку на 1914 годъ, обѣщало между прочими преміями, и „одинъ томъ — Путешествіе Сатириконтцевъ по Россіи“.

Въ виду того, что въ моментъ приготовленія сатириконтцевъ къ экспедиціи неожиданно началась война и нормальное теченіе русской жизни было нарушено, издательство поставлено въ невозможность исполнить принятое на себя передъ подписчиками обязательство.

Не желая, однако, чтобы подписчики „Нов. Сатириконтъ“ понесли ущербъ отъ войны, вознившей отнюдь не по винѣ подписчиковъ — издательство рѣшило взаменъ „Путешествія по Россіи“ дать другую премію — не менѣе цѣнную и болѣе отвѣчающую моменту...

Именно — подписчики получаютъ въ декабрѣ с. г. книгу (иллюстрированное изданіе):

„ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ“.

Историческое, этнографическое, бытовое и научное описаніе нашихъ враговъ — Германіи, Австріи, Венгріи и Турціи.

Вотъ что дѣлаетъ „Нов. Сатириконтъ“ для подписчиковъ!

Восхищеніе этимъ поступкомъ гг. подписчики могутъ выражать письменно, а такъ же — устно, если будетъ къ тому подходящий случай.

Издательство „Нов. Сатириконтъ“.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакция не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Фиделио. — Стихи Фиделио „Пилотъ“:
„Изъ корзины воздушнаго шара выпалъ пилотъ“...

Какъ говорится:

— Изъ корзины ты взять, въ корзину и
вернешься.

Брошено.

И. Скворешникову. — „Увидѣвъ нѣмца,
въ головѣ моей забѣгали мурашки“.

Вы имъ дѣлаете комплиментъ, называя ихъ
мурашками.

Если ваше произведеніе будетъ гдѣ-нибудь
напечатано, то въ качествѣ гонорара потре-
буйте гребенку.

Е. Л. — Вы указываете эти литеры на
тотъ случай, если „редакция будетъ проѣз-
жаться по вашему адресу“...

На этотъ разъ редакция вашимъ адресомъ
не воспользуется.

Эресу. — Слова въ вашемъ стихотвореніи
хороши, но наборъ ихъ сдѣланъ безъ всякаго
смысла:

Въ заборъ съ надеждой вцѣпляемъ (?) руки,
Но тщетно доски скребетъ сапогъ...

Последняя строка — аллегорія вашего
стремленія пробраться въ нашъ журналъ.

Б. Москва.

Калинину. — „Усы“ — плохо.

Динь-Бумъ. — Разсматривая ваши рисунки,
мы пришли къ заключенію, что вы рисо-
вали ихъ, вставивъ карандашъ въ ноздрю
или въ ухо. Не гонясь за подобной эксцен-
тричностью въ приемахъ исполненія рисунка,
отъ вашихъ работъ принуждены отказаться.

В. Провинція.

Сольцы — Веникову. — Не подошло.

Казань — Кронъ Янову. — Тоже.

Золотоноша — Дону Марціо. —

Мы пьемъ эфиры, спиртъ древесный

И слѣпнемъ, видитъ Самъ

То добрый Царь небесный.

Мы пьемъ еще Кандеръ-бальзамъ.

Нѣтъ, донъ Марціо, нехорошіе это стихи.
Намъ нужно, чтобы стихи сочиняли русскіе,
а не испанцы.

Аве.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконтъ“.

- Почему-же этот плѣнный австріецъ тебѣ сдался?
- Говорить, изъ стратегическихъ соображеній...
- Это изъ какихъ-же?
- Жрать хотѣлось.